

Пенской В. В.

**«ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ», POLIZEISTAAT, ЕКАТЕРИНА II И ФОРМИРОВАНИЕ
САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Минобрнауки России, 308015, г. Белгород

Вторая половина XVIII в. вошла в историю как эпоха Просвещенного абсолютизма. В России его связывают с правлением императрицы Екатерины II (1762—1796). В своей политической деятельности Екатерина руководствовалась идеями «регулярного», «полицейского» государства, которые были отредактированы в соответствии с новыми веяниями и новой интеллектуальной модой. Монарх теперь был обязан заботиться об «общем благе» и стремиться к всеобщему «благочинию» через установление «законного правления». Вместе с тем в целях достижения этой цели он должен был использовать полицию как инструмент «благотворного» насилия. Применение полицейских мер предполагало и борьбу с опасными эпидемиями, которые могли нанести серьезный урон народонаселению государства. Авторы анализируют процесс становления санитарно-эпидемиологического законодательства Екатерины II, помещая его в широкий контекст политики «просвещенного абсолютизма».

Ключевые слова: XVIII в.; Просвещенный абсолютизм; Российская империя; Екатерина II; эпидемии; регулярное государство; полиция.

Для цитирования: Пенской В. В. «Просвещенный абсолютизм», *Polizeistaat*, Екатерина II и формирование санитарно-эпидемиологического законодательства во второй половине XVIII в. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(6):1457—1462. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1457-1462>

Для корреспонденции: Пенской Виталий Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного научно-исследовательского университета, e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Penskoy V. V.

**“THE ENLIGHTENED ABSOLUTISM”, POLIZEISTAAT, CATHERINE II AND FORMATION OF SANITARY
EPIDEMIOLOGICAL LEGISLATION IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY**

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University” of the Minobrnauka of Russia, 308015, Belgorod, Russia

The second half of the 18th century went down in history as the era of “Enlightened absolutism”. In Russia, it is associated with the reign of Empress Catherine II (1762–1796). In her political activities, Catherine II was guided by ideas of “regular” “police” state that were edited in accordance with new trends and new intellectual fashion. The monarch was now obliged to take care of “common good” and seek universal “decency” through establishing “lawful government”. Besides, in order to achieve this goal, he had to use police as a tool of “beneficial” violence. The application of police measures supposed struggle with dangerous epidemics causing serious damage to population of the state. The article analyzes process of becoming of sanitary epidemiological legislation of Catherine II, placing it in broad context of “enlightened absolutism” policy.

Keywords: 18th century; “Enlightened absolutism”; Russian Empire; Catherine II; epidemics; “regular” state; police.

For citation: Penskoj V. V. “The enlightened absolutism”, *Polizeistaat*, Catherine II and formation of sanitary epidemiological legislation in the second half of XVIII century. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2023;31(6):1457–1462 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1457-1462>

For correspondence: Penskoj V. V., doctor of historical sciences, associate professor, professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University” of the Minobrnauka of Russia. e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Conflict of interests. The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 08.02.2023

Accepted 30.05.2023

В 1768 г. Российская империя вступила в войну с Турцией. Снова главным врагом русской армии оказались не столько турки, сколько расстояния и болезни. Одной из них стала чума, вспышка которой в 1770—1772 гг. стала последней крупной чумной эпидемией в русской истории. Зародившись в Молдавии, чума, несмотря на предпринятые карантинные меры, добралась до сердца России и в конце 1770 г. объявилась в Москве. Предпринятые московскими властями действия по предотвращению распространения эпидемии не дали ожидаемого эффекта в том числе и из-за несоблюдения городскими властями и жителями предписанных еще петровским законодательством элементарных мер по

поддержанию надлежащего санитарно-гигиенического состояния. Поветрие вырвалось на свободу и собрало богатую дань с московского населения. В накаленной обстановке малейший повод мог дать толчок к бунту, и попытка московского архиепископа Амвросия не допустить дальнейшего распространения эпидемии посредством запрета на поклонение Боголюбской иконе Божьей Матери у Варварских ворот в Китай-городе привела к знаменитому Чумному бунту. Бунт был подавлен, а затем прибывший из столицы наделенный чрезвычайными полномочиями эмиссар императрицы Екатерины II граф Г. Г. Орлов сумел положить конец эпидемии.

Чума 1770—1772 гг. стала серьезным испытанием просвещенного абсолютизма и полицейского государства, которое, к счастью, они сумели выдержать. Успешная сдача этого сурового экзамена была обусловлена теми мерами, которые предприняла верховная власть задолго до начала эпидемии.

Вторая половина XVIII столетия вошла в историю как эпоха так называемого Просвещенного абсолютизма. Этот литературный и политический фантом довольно быстро обрел плоть и влиял на внешнюю и внутреннюю политику европейских монархий на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших Великой Французской революции.

О том, что представлял собой просвещенный абсолютизм, и существовал ли он вообще, споры идут давно. Однако нас интересует не эта проблема, а другая, связанная с ней самым непосредственным образом, — существует ли преемственность между *Polizeistaat* первой половины XVIII столетия и просвещенным абсолютизмом, и если да, то в чем она проявилась. Из этой проблемы сама собой вытекает другая: а как, собственно, просвещенные монархии Европы решали проблему приумножения народонаселения, которая была столь важна для *Polizeistaat*? И если они признавали необходимость сбережения и приумножения числа своих подданных, то как они намеревались достичь этой цели?

Полиция в XVIII в. выступала как инструмент социальной инженерии в руках государства, посредством которого оно изменяет социальный ландшафт в интересах «общего блага». Именно этими принципами руководствовался Петр I, пытаясь создать в России *Polizeistaat*. И хотя попытка оказалась неудачной, его преемники продолжали воплощать эту концепцию в жизнь с учетом изменившихся условий.

Эти изменения выразились прежде всего в том, что во второй половине XVIII в. власть, занимаясь социальным инжинирингом, в интересах достижения пресловутого *bien public* уже не могла действовать без оглядки на *l'opinion publique*. Французские просветители к тому времени выработали положение, согласно которому *l'opinion publique* — орудие контроля со стороны общества за действиями власти [1]. Выражая интересы элит, просветители, как отмечал отечественный исследователь феномена просвещенного абсолютизма О. А. Омельченко, возродили к жизни античные и средневековые идеи о «просвещенном государе», который заботится о благе своих подданных, но с поправкой: в своих действиях государь обязан был руководствоваться законами, установленными «для блага народного и воплощающими незыблемые требования и границы гражданского общежития» и определявшими пределы власти государя [2].

Таким образом, главное различие между *Polizeistaat* конца XVII — первой половины XVIII в. и *Despotisme éclair* второй половины XVIII столетия состояло в том, что монарх, имевший конечной своей целью достижение всеобщего блага и наделен-

ный, как и прежде, ради этого огромной властью и соответствующим инструментарием в лице полиции, должен был теперь руководствоваться в своей деятельности «правильными» законами, вытекающими из «естественного права» и «общественного договора». Полиция, как важнейший инструмент социального инжиниринга в руках просвещенного монарха, также должна была действовать строго в рамках закона. При этом, как отмечал О. А. Омельченко, сохранялось старое положение, согласно которому «полиция есть не только учреждение для охраны правовых начал общественного порядка, следуя некоторым поставленным ориентирам, но и для создания собственно условий, утверждающих в народе *благочиние вообще* (курсив мой. — Авт.)...» [2].

Активное участие полиции в исполнении требований санитарных норм, прописанных в законах, было прямым следствием всеобщей убежденности, которую отразил в своих поучениях юному Людовику XV аббат Флери: «Нельзя осуществлять правосудие, вести войну, поддерживать финансы и т. д., если нет излишка живых, здоровых и миролюбивых людей. Чем больше их, тем легче остальное, тем могущественнее государство и принц» и что «пустынные земли вредят торговле и правительству» (цит. по [3]). Приумножение числа подданных виделось в то время одной из важнейших задач, стоявших перед властью, уже хотя бы потому, что, как отмечали сенаторы Елизаветы Петровны, «главная сила государственная... единственно есть в народе, положенном в подушной оклад» [4].

Заняв престол в июне 1762 г., Екатерина II получила в наследство не только империю и власть, но и множество проблем, связанных с последствиями тяжелой Семилетней войны и курса на серьезные преобразования, взятого в начале столетия Петром I. Касаясь последних, отечественный историк Б. И. Сыромятников отмечал, что «...веря в чудодейственную силу „просвещенного“ насилия, Петр стремился форсировать исторический процесс. <...> Но чуда не совершилось! Совершить скачок первому российскому императору не удалось, русское общество оказалось не готовым к такой стремительной перемене всего и вся» [5]. В первую очередь это касалось самой концепции «регулярного» государства, *Polizeistaat*, для полноценной реализации которой Петру не хватило ни времени, ни ресурсов. Екатерине II предстояло теперь попробовать еще раз внедрить основы *Polizeistaat* в живую ткань русского общества с поправкой на новые идеологические и культурные веяния.

Преобразования в сфере полиции были, пожалуй, одними из наиболее успешных в годы правления Екатерины, на что обращал внимание американский историк М. Раефф [6]. Еще раз подчеркнем, что в этой системе мер, которую последовательно на протяжении всего своего царствования Екатерина не без успеха пыталась выстроить, «хорошая и точная» полиция (в широком смысле этого термина) занимала отнюдь не самое последнее место. Она для

нее выступала одним из важнейших инструментов социального инжиниринга, и потому вопросами реорганизации и повышения эффективности ее работы императрица занималась с завидной настойчивостью.

Отметим, что в отечественной историографии достаточно работ, которые исследуют вопросы, связанные с формированием и развитием полиции в Российской империи в XVIII в. Однако основная масса этих исследований касается или сугубо правовых аспектов проблемы [7], или отдельных вопросов деятельности полиции как органа поддержания правопорядка и борьбы с правонарушениями [8], а в некоторых случаях характеризуют деятельность полиции в экстремальных ситуациях, например в условиях противостояния эпидемии чумы в Москве в 1770—1772 гг. [9], или анализируют особенности изучения изменений эпидемиологического состояния Российской империи в отечественной науке [10].

Действуя в рамках доктрины *Polizeistaat*, верховная власть должна была наделить местные власти соответствующими полномочиями, закрепив их принятием необходимых законодательных актов.

Характер и ход реформ в административной сфере и введение «доброго порядка» как часть политической программы Екатерины II могут быть уяснены из знаменитого екатерининского «Наказа» [11], идеи которого должны были быть положены в основу нового Уложения законов. Поскольку новое Уложение касалось всех основных сфер деятельности государства, то «Наказ» не мог не коснуться и вопросов, связанных с разрешением демографических проблем в духе господствовавших тогда идей философов-просветителей [6].

Мерам по приумножению населения империи была посвящена отдельная XII глава «Наказа». В ней императрица с сожалением отмечала, что Россия — страна с малочисленным населением, рассеянным на огромной территории [11]. Отмечая, что из множества детей в крестьянских семьях лишь немногие доживают до зрелого возраста, Екатерина делает вывод: «Надлежит попечение иметь о здравии граждан» [11]. Развивая эту идею, в дополнительной XXII главе к «Наказу», в которой речь идет о полиции и ее функциях, Екатерина отмечала: «Здоровье — третий предмет Полиции, и обязует распространить свое тщание на безвредность воздуха, на чистоту улиц, рек, колодезей и других водных источников, на качество съестных и питейных припасов, наконец, на болезни, как в народе размножающиеся, так и на прилипчивые» [11].

Действуя в этом духе, в октябре 1763 г. Екатерина выдает инструкцию новоназначенному смоленскому губернатору В. В. Фермору. В инструкции впервые прозвучал наказ, согласно которому администратор должен был, помимо прочего, озаботиться регулярным получением сведений о народонаселении в подчиненной ему губернии и беспокоиться о его здоровье [6].

Положения инструкции Фермору были продолжены и развиты в императорском «Наставлении губернаторам» от 21 апреля 1764 г. Из 18 пунктов Наставления для нас наибольший интерес представляют пункты 1-й (в котором Екатерина возлагает на губернатора как «главу и хозяина врученной в его смотрение Губернии» полную ответственность за дела во вверенной ему губернии), 4-й (согласно которому губернатору вменялось в обязанность «недреманным оком» смотреть за тем, чтобы «все и каждый по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, содержа в ненарушимом сохранении указы и узаконения Наши (курсив мой. — Авт.)») и 9-й. В 9-м пункте инструкции губернаторам предписывалось в случае чрезвычайной ситуации, в том числе при возникновении эпидемии, лично взять под контроль ситуацию и предпринять все необходимые меры для того, чтобы эта чрезвычайная ситуация была погашена в зародыше. При этом губернатор должен был держать в известии столицу и в случае надобности (согласно пункту 6) напрямую обращаться к императрице. Наконец, в 12-м пункте говорилось об обязанности губернатора иметь под рукой свежие данные о состоянии дел в губернии, в том числе о ее населении [12].

Окончательную форму требования к губернаторам получили в знаменитых «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября (по старому стилю) 1775 г. [12].

Основная тяжесть обязанностей по предотвращению распространения эпидемий возлагалась теперь на земского капитана или исправника. Если обязанности губернатора были прописаны в самой общей форме [12], то функции земского исправника — много более подробно и с особым тщанием. Статьями 238—241 Учреждения исправнику предписывалось держать под неусыпным контролем санитарно-эпидемиологическую обстановку в подчиненном его ведению уезде. При первых известиях о появлении в уезде «прилипчивых болезней» исправнику предписывалось «немедленно самому на месте с находящимися в уезде доктором, или лекарем при приходском священнике и двух свидетелях» явиться и, на месте оценив степень возникшей опасности, немедленно известить губернские власти об этом событии и установить карантин, отделив заболевших от здоровых. Если же «прилипчивая болезнь» успела распространиться, то капитан-исправнику, согласно предписаниям 1771 г. (о них будет сказано далее), надлежало, используя подчиняющуюся ему «земскую полицию», принять жесткие меры по недопущению дальнейшего распространения заразы, как то «1. о приставлении караула к опасным местам, 2. о запрещении проезда сквозь зараженные места, и о проложении обводных дорог, 3. о имении огней, 4. о употреблении предосторожностей для уменьшения бедствия, 5. о приведении в действие, как предохранить себя от прилипчивости». Точно так же надлежало исправнику поступать, если в его уезде начнется эпизоотия. Вообще, согласно инструкции, именно на земского исправника возлагались глав-

ная ответственность в деле противостояния эпидемиям и эпизоотиям, именно он должен был, «буде окажутся где в уезде целыя селения заражены одной опасной болезнью... приложить попечение и старание об излечении и сохранении человеческого рода (курсив мой. — Авт.)...» [12].

Если земские исправники контролировали санитарно-гигиеническую и эпидемиологическую ситуацию в уездах, то в городах эти обязанности возлагались на городничих (статьи 260—263 Учреждения) [12]. Освидетельствование больных, отделение заболевших от здоровых, принятие карантинных мер согласно инструкции 1771 г., борьба с эпизоотией, поддержание порядка и чистоты на улицах и площадях — все это вменялось городничему в обязанность, причем отдельно оговаривался (отсылка к опыту 1771 г.) запрет покидать свой пост, что бы ни случилось.

Отдельной статьей в Учреждении проходит организация работы больниц: 394-я статья, посвященная этой проблеме, весьма обширна и состоит из двух частей. В первой из них подробно расписан порядок приема и содержания больных в лечебнице, штат больничных служителей и их жалование, а во второй — обязанности больничных служителей, также весьма подробно и многословно [12].

Итак, из Учреждения хорошо видно, что основная тяжесть работы по предупреждению возникновения и распространения заразных болезней переносилась на низовой уровень — в уезды и города — и препоручалась земским исправникам и городничим. Губернаторы и тем более наместники (генерал-губернаторы) от непосредственного руководства этой работой освобождались, однако за ними оставалась функция верховного контроля и надзора.

Дополнением к губернскому Учреждению стал утвержденный императрицей в апреле 1782 г. «Устав благочиния или полицейский» [13]. Этот Устав явился необходимым продолжением политики Екатерины II по совершенствованию механизмов *Polizeistaat* в Российской империи, который, как подчеркивал А. Б. Каменский, самым непосредственным образом воплощал идеи «регулярного», «полицейского» государства и социального инжиниринга в рамках привычной для XVIII в. концепции «прогресс через насилие» [6].

Губернское учреждение и Устав благочиния создавали внешний правовой контур санитарно-эпидемиологических мер как системы, внутренний же контур образовывали отдельные инструкции, которые получали городские и полицейские чины и посредством которых направлялась их деятельность в конкретных случаях.

Формирование этого внутреннего контура было связано с эпидемией чумы 1770—1772 гг. Начало ему было положено обнародованием 1 декабря 1770 г. императорского манифеста «О предосторожности от заразной болезни, появившейся в польских провинциях» [14]. Сообщая своим подданным, что в Польше объявилась опасная болезнь, Екатерина II вводила запрет на ввоз оттуда в Россию

одежды и предметов быта, через которые она могла передаваться, а также жесткие карантинные меры и ограничения на въезд в пределы империи. Нарушителей объявленных карантинных мер предписывалось арестовывать и подвергать наказанию.

9 января следующего года меры, введенные в действие манифестом, были дополнены сенатским указом [15]. Вводился жесткий карантин, ввоз товаров, которые могли стать причиной распространения инфекции, воспрещался, а при попытках все же провезти их через кордоны товары полагалось изымать и сжигать. По всей границе учреждались карантинные дома, а на подходах к Москве — заставы, причем прописывался порядок прохода через них. Отдельно к указу прилагалось специальное Наставление [16], в котором населению разъяснялись правила поведения и сбережения здоровья и самой жизни в зоне, где отмечены вспышки заболевания. Собственно говоря, перед нами первый опыт создания в России специального законодательства как системы мер, выполнение которых позволило бы пресечь распространение болезни, единственное средство по предотвращению массовой смертности в условиях, когда медицина была бессильна лечить «прилипчивые болезни».

Увы, манифест и сенатский указ запоздали. В августе 1770 г. первые случаи чумы были зарегистрированы в Киеве, в сентябре болезнь была в Севске, а в ноябре 1770 г. — уже в Москве. Однако в столицу империи чума не проникла, так как были приняты жесткие меры по минимизации сообщения между Петербургом и зараженными местностями: 10 октября 1771 г. от Главной Санкт-Петербургской полиции было объявлено «О мерах предохранения жителей от прилипчивой болезни» [17], 11 октября последовал сенатский указ «О учреждении двух Комиссий для охранения и врачевания от моровой заразной язвы» [18]. Любопытен вывод, сделанный в указе относительно причин неудачи предупредительных мер по предотвращению распространения болезни: *«Настоящее зло распространилось главнейшее от того, что сперва оному не верили и не брали от того предосторожностей, а потом увидев зло, вместо мужества и крепости, пришли в робость и уныние и от того разных судебных мест и правительств присутствующие от свои мест отлучились, а подчиненные пришли чрез то в недействие, следовательно все в ослабление»* (курсив мой. — Авт.) [18]. Помимо этих мер, ужесточено было и наказание за мародерство и попытки разграбить дома, пострадавшие от чумы, вплоть до смертной казни, согласно сенатскому указу от 12 октября 1771 г. [19].

Эффективность созданного в 1760-х — начале 1780-х годов санитарно-эпидемиологического законодательства уже в 1783—1785 гг. прошла успешную проверку при вспышке чумы в Новороссии: несмотря на отдельные ошибки местных властей, вспышку удалось локализовать и не допустить ее прорыва на другие территории.

Заключение

Длительное правление Екатерины II не без оснований считают своего рода золотым веком Российской империи. Императрица, взошедшая на престол в результате дворцового переворота, приложила немало усилий, чтобы доказать, что престол принадлежит ей по праву. Одним из способов легитимации для нее стало следование идеям просвещенного абсолютизма. Будучи убежденным их сторонником, Екатерина полагала, что принципы «регулярного», «полицейского» государства и благотельного насилия, которое выступало важным инструментом социального инжиниринга, способны послужить «общему благу» и сделать Россию процветающим государством, а ее народ зажиточным.

Эти принципы предполагали, что монарх ответственен перед обществом, и его первостепенная обязанность — забота о благе подданных через разработку, принятие и принуждение к выполнению правильных законов, которые соблюдались и самим монархом, и его подданными. Тем самым в обществе устанавливался режим «благочиния», способствующий его процветанию, а для того чтобы он не нарушался, власть наделялась значительными полномочиями и правом жесткого регулирования жизни своих подданных посредством законов и «благотельного насилия». Такое полицейское государство, помимо прочего, брало на себя и обязанность заботиться о здоровье и приумножении числа подданных.

Опаснейшим врагом и государства, и общества в условиях, когда медицина была практически бесполезна в борьбе с «прилипчивыми болезнями», оставались жесткие карантинные меры и соблюдение санитарно-гигиенических норм. Ранее эта проблема решалась в рамках традиции и в режиме «ручного» управления, однако эффективность таких методов противостояния эпидемиям была явно недостаточна, что наглядно показали события 1770—1772 гг. Понимание этого факта привело в начале 80-х годов XVIII в. к созданию системного санитарно-гигиенического и противоэпидемического законодательства. Своими действиями как законодатель Екатерина II подвела своеобразный итог работе верховной власти по формированию целостной системы законодательных мер по борьбе с опасными болезнями в масштабах всей империи. Эффективность этой системы иногда подвергается сомнению, однако стоит заметить, что каким бы совершенным ни было законодательство, воплощают его в жизнь конкретные люди. Как показал опыт противостояния эпидемиям чумы в России в 1770—1772 и 1783—1785 гг., успех противоэпидемических мер во многом определялся действиями должностных лиц, которые смогли должным образом распорядиться предоставленными им властью и законами.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аносова Т. В., Вальдман И. А. «Общественное мнение» во французских энциклопедиях второй половины XVIII в.: эволюция понятий. *Идеи и Идеалы*. 2017;33(3):54—62.
2. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист; 1993. 428 с.
3. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука; 2011. 544 с.
4. Сенатский архив. Т. XI. М.: Сенатская типография; 1904. 506 с.
5. Сыромятников Б. И. Регулярное государство Петра Первого и его идеология. М.—Л.: Изд-во АН СССР; 1943. 211 с.
6. Каменский А. Б. От Петра до Павла. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ; 1999. 575 с.
7. Гурулев И. В. Деятельность полиции Российской Империи при Екатерине II (1762—1796). *Власть*. 2020;(6):213—9.
8. Минеева И. А. «Устав благочиния» как начало системной регламентации полицейской службы. *Право и Политика*. 2022;(2):5—9.
9. Исхаков Э. Р. Деятельность полиции согласно указам Екатерины II и Правительствующего Сената по ликвидации эпидемии чумы 1770—1772 гг. в Москве. *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2013;48(1):65—8.
10. Мифтеева Д. М. Эпидемиологическое состояние Российской империи: история изучения в отечественной науке и практике. *Самарский научный вестник*. 2016;3(16):96—9.
11. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Типография Императорской Академии наук; 1907. 331 с.
12. Наставление губернаторам. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. № 12137. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 716—20.
13. Устав благочиния или полицейский. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XXI. С 1781 по 1783. № 15379. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 461—88.
14. О предосторожности от заразительной болезни, появившейся в польских провинциях. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XIX. 1770—1774. № 13551. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 203—4.
15. Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XX. 1775—1780. № 14392. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 229—304.
16. Наставление. О предосторожностях, которые принимать должно в таком месте, где находится моровая язва, для уменьшения бедствий, могущих причиниться от оной. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XIX. 1770—1774. № 13552. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 208—9.
17. О мерах предохранения жителей от прилипчивой болезни. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XIX. 1770—1774. № 13674. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 327—9.
18. О учреждении двух Комиссий для охранения и врачевания от моровой заразительной язвы. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XIX. 1770—1774. № 13675. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 329—32.
19. Об учинении смертной казни тем, кои дерзнут входить в вымершие в дома и грабить там оставшиеся пожитки. В сб.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XIX. 1770—1774. № 13675. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1830. С. 332—3.

Поступила 08.02.2023
Принята в печать 30.05.2023

REFERENCES

1. Anosova T. V., Waldman I. A. "Public opinion" in French encyclopedias of the second half of the XVIII century: evolution of concepts. *Ideas and Ideals* = *Ideas and Ideals*. 2017;33(3):54—62 (in Russian).

2. Omelchenko O. A. "The Legitimate monarchy" of Catherine the Second: Enlightened absolutism in Russia [*"Zakonnaya monarkhiya" Ekateriny Vtoroy: Prosveshchenny absolutizm v Rossii*]. Moscow: Yurist; 1993. 428 p. (in Russian).
3. Foucault M. Security, territory, population [*Bezopasnost', territoriya, naselenie*]. St. Petersburg: Nauka; 2011. 544 p. (in Russian).
4. Senate Archive. Vol. XI. Moscow: Senate Printing House; 1904. 506 p. (in Russian).
5. Syromyatnikov B. I. The regular state of Peter the Great and his ideology [*Regulyarnoe gosudarstvo Petra Pervogo i ego ideologiya*]. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1943. 211 p. (in Russian).
6. Kamensky A. B. From Peter to Paul. Reforms in Russia of the XVIII century. The experience of holistic analysis [*Ot Petra do Pavla. Reformy v Rossii XVIII veka. Opyt tselostnogo analiza*]. Moscow: RSUH; 1999. 575 p. (in Russian).
7. Gurulev I. V. Activity of the police of the Russian Empire under Catherine II (1762–1796). *Vlast' = Power*. 2020;(6):213–9 (in Russian).
8. Mineeva I. A. "The Charter of the deanery" as the beginning of the systemic regulation of the police service. *Pravo i Politika*. 2022;(2):5–9 (in Russian).
9. Iskhakov E. R. Police activity according to the decrees of Catherine II and the Governing Senate on the elimination of the plague epidemic of 1770–1772 in Moscow. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;48(1):65–8 (in Russian).
10. Mifiteeva D. M. Epidemiological state of the Russian Empire: the history of study in domestic science and practice. *Samarskiy nauchnyy vestnik = Samara Scientific Bulletin*. 2016;3(16):96–9 (in Russian).
11. The order of Empress Catherine II, given to the Commission on the composition of the draft of the new Code [*Nakaz imperatritsy Ekateriny II, dannyy Kommissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya*]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1907. 331 p. (in Russian).
12. Instruction to governors. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XVI. From June 28, 1762 to 1765. No. 12137. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 716–20 (in Russian).
13. The Charter of the deanery or police. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XXI. From 1781 to 1783. No. 15379. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 461–88 (in Russian).
14. On precautions against a contagious disease that appeared in the Polish provinces. In: The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XIX. 1770–1774. o. 13551. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 203–4 (in Russian).
15. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XX. 1775–1780. No. 14392. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 229–304 (in Russian).
16. Instruction. About the precautions that should be taken in such a place, where there is a pestilence, to reduce the disasters that can be caused by it. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XIX. 1770–1774. No. 13552. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 208–9 (in Russian).
17. On measures to protect residents from the sticky disease. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XIX. 1770–1774. No. 13674. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 327–9 (in Russian).
18. On the establishment of two Commissions for the protection and healing of a pestilential infectious ulcer. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XIX. 1770–1774. No. 13675. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 329–32 (in Russian).
19. On the imposition of the death penalty on those who dare to enter extinct houses and rob the remaining belongings there. In: The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XIX. 1770–1774. No. 13675. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. P. 332–3 (in Russian).